

**ЧИСТКА ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА В СИБИРИ  
В СЕРЕДИНЕ 1920-Х ГГ. В РАКУРСЕ ПРОБЛЕМЫ  
НИСХОДЯЩЕЙ МОБИЛЬНОСТИ В СОВЕТСКОМ СОЦИУМЕ**

**О. А. Литвинова**

Алтайский государственный технический университет  
им. И.И. Ползунова, г. Барнаул, Россия

В статье рассмотрен процесс чисток советского аппарата в сибирском регионе, выполнявшего роль социального лифта в процессе нисходящей социальной мобильности. Автором затронуты причины чисток, а также на основе архивных материалов раскрыто восприятие данного социально-политического явления в общественном сознании жителей Сибири. Исходя из проанализированных документов, сделан вывод о том, что чистки государственного аппарата стали завершающим пунктом процесса системной трансформации российского общества, начавшейся в октябре 1917 г.

**Ключевые слова:** социальная мобильность, социальный лифт, чистка советского аппарата, общественные настроения, Сибирь.

**«CLEANING» OF THE SOVIET BUREAUCRACY IN SIBERIA IN THE MID 1920 'S AND PROBLEMS OF DOWNWARD MOBILITY IN SOVIET SOCIETY**

**O. A. Litvinova**

Altai state technical university, Barnaul, Russia

The subject area of the process of “cleaning” the soviet bureaucracy in the Siberian region, which was a social lift during downward social mobility. The author raised reasons for “cleaning”, on the basis of archival material the paper revealed the perception of this socio-political phenomena in the social consciousness of the inhabitants of Siberia. Based on analyzed documents, the paper concludes that the “cleaning” of the soviet bureaucracy became the final paragraph of the process of transformation of the Russian society, which began in October, 1917.

**Keywords:** social mobility, social elevator, “cleaning” of the Soviet bureaucracy, public frame of mind, Siberia.

Социальная мобильность, присущая в той или иной степени любому обществу, стала одной из главных характеристик советского социума первого десятилетия его существования. Автор статьи ранее уже касался темы горизонтальных перемещений в советском обществе на примере такой профессиональной группы как учителя [1]. Однако сложность и многоплановость явления социальной мобильности подтолкнула к изучению иных его сторон.

Глубокий историографический обзор проблемы социальной мобильности в сибирском регионе представлен в статье В. И. Шишкина и А. И. Савина [2]. Названные историки, характеризуя научные публикации, обратили внимание на тенденции, свойственные исследованиям постсоветского периода, важной чертой которых оказалось изучение в первую очередь нисходящей вертикальной

мобильности и соответственно социальных лифтов, ведущих к понижению социального статуса как отдельных индивидов, так и социальных групп. Между тем, несмотря на все отмеченные достижения исторической науки двух последних десятилетий, на наш взгляд, недостаточно проанализированы оказались социально-психологические последствия нисходящей социальной мобильности, что и стало причиной появления данной статьи. В качестве социального лифта, повлекшего в середине 1920-х гг. понижение социального статуса для многочисленной категории лиц, нами рассмотрен процесс массовых чисток советского аппарата 1924 г.

Вопрос о политических процессах, именуемых чистками, получил должное рассмотрение в исторической литературе. Однако при этом более подробно оказалась изучена чистка 1921 г., коснувшаяся не государствен-

ного, а партийного аппарата. Из заслуживающих внимание работ, подготовленных на документах сибирского региона по этой теме, следует обратить внимание на статью В. Н. Гузарова. Томский историк отметил, что кампания по перерегистрации членов партии, имевшая место в начале 1920-х гг., носила социально-политический характер, поскольку из партии изгоняли в первую очередь офицеров царской и колчаковской армий [3]. Данный момент важен для анализа ситуации, поскольку, согласно официальным документам тех лет, в партии шел процесс «вычищения» ее рядов из-за несоответствия поведения некоторых коммунистов принципам партийной дисциплины и этики, а не по социально-политическим причинам. В частности, в резолюции X съезда РКП(б) 1921 г. говорилось, что задача созданных контрольных комиссий заключается в борьбе с бюрократизмом, карьеризмом, злоупотреблениями членов партии своим партийным служебным положением [4].

Заметим, что, изучая процессы партийных чисток, исследователи не уделили столь же пристального внимания переменам, происходившим в кадровом составе государственных учреждений. Между тем первая всеобщая чистка советских органов власти была проведена вскоре после аналогичной кампании в партии в 1924 г. Кадровые изменения в советском аппарате были связаны с тем, что должности в нем, особенно низовые и технические, были заняты представителями так называемой старой власти. Т. Ф. Ящук, ссылаясь на более раннюю работу М. П. Ирошникова, отметила, что, согласно переписи, проведенной среди сотрудников важнейших комиссариатов, ВСНХ, ВЦИК и других центральных органов государственного управления, чиновники бывших министерств, старых губернских учреждений, частных и общественных организаций и предприятий составляли в начале 1920-х гг. в большинстве комиссариатов более половины советских служащих, а среди хозяйственных ведомств – от 70 до 100 % [5].

В научных исследованиях указывается, что инициатором вычищения органов государственной власти стал ЦК РКП(б). Не имея масштабного документального подтверждения причин массовых «чисток» госаппарата, автор представляемой статьи обратился к опубликованным работам по этой теме. Упомянутая выше Т. Ф. Ящук отметила, что увольнение сотрудников осуществлялось, исходя из их попадания в одну из трех ниже-

перечисленных категорий. Первая категория – элементы чуждые и непригодные для работы в советском аппарате по политическим мотивам. Такого рода лица увольнялись без права поступления на госслужбу вновь. Вторая категория – лица, не пригодные для работы по деловым качествам или с менее серьезными, чем в первом случае, политическими мотивами. Работники указанной категории увольнялись временно или оставлялись, пока им подыскивали замену. Наконец, третья категория, подлежащих увольнению – вполне преданные партии и государству сотрудники, но с низкой квалификацией. Такие работники обычно не увольнялись, а переводились на низшие должности. Исходя из указанных параметров, нельзя не согласиться с выводом исследователя, что в первую очередь при проверке на соответствие занимаемой должности проверялась политическая благонадежность, а не профессиональные качества [6].

И. В. Наумов, характеризуя чистки советского аппарата на материалах Иркутской губернии, отметил мотивы исключительно политического характера и указал, что этот процесс происходил под контролем ОГПУ, требовавшего от местных подразделений регистрации всех политически неблагонадежных лиц. Исследователь обратил внимание, что в феврале 1924 г. в секретном циркуляре ОГПУ выделялось три категории подозреваемых. Однако критерии их выделения отличались от критериев, которые отметила Т. Ф. Ящук. Так, в первую группу попадали все бывшие члены дореволюционных политических партий, все бывшие члены монархических союзов и организаций, все бывшие представители старой аристократии и дворянства, все бывшие члены молодежных организаций (например, бойскауты), все националисты любых оттенков. Ко второй группе относились сотрудники царских учреждений: все сотрудники бывшего МВД (охранки, полиции и жандармерии), все секретные агенты охранки и полиции, все чины пограничной стражи, все сотрудники бывшего Минюста, все члены окружных и уездных судов, судьи, прокуроры всех рангов, мировые судьи, судебные следователи, судебные исполнители; все без исключения офицеры и унтер-офицеры царских армии и флота. В третью категорию увольняемых работников попадали тайные враги советской власти: все офицеры, унтер-офицеры и рядовые Белой Армии, других белогвардейских формирований, различных повстанческих отрядов и банд, в том числе и амнистированные Советской вла-

стью, все гражданские сотрудники центральных и местных органов белогвардейских правительств; все религиозные деятели; все бывшие купцы, владельцы магазинов и лавок, а также «нэпманы»; все бывшие землевладельцы, крупные арендаторы, богатые крестьяне, использовавшие в прошлом наемный труд; все бывшие владельцы промышленных предприятий и мастерских; все лица, чьи близкие родственники находились на нелегальном положении или продолжали вооруженную борьбу в рядах антисоветских банд; все иностранцы, независимо от национальности; все лица, имеющие родственников или знакомых за границей; все члены религиозных сект и общин; все ученые и специалисты старой школы, особенно те, чья политическая ориентация не выяснена до сего дня; все лица, ранее подозреваемые или осужденные за контрабанду, шпионаж и т.д. [7].

Таким образом, историки, работая с материалами архивных фондов, отметили доминирующую роль социально-политического фактора в процессе чисток госаппарата.

В связи со сказанным нельзя не отметить, что проводившаяся тремя годами ранее кампания перерегистрации членов РКП(б) также в первую очередь была вызвана необходимостью исключения из кадрового состава людей, социально чуждых новой власти, что уже ранее отмечалось. По сути, все причины происходивших еще в 1921 г. партийно-кадровых чисток имели политический подтекст: неподчинение партийной дисциплине во время крестьянских восстаний, антисоветская агитация, воровство продуктов, непосещение субботников, неявка на перерегистрацию, незнание программы партии, «шкурничество», т.е. преследование коммунистом какой-либо личной выгоды. Автор представляемой публикации соглашается с зафиксированной в литературе точкой зрения о том, что, скорее всего, многие вступившие в свое время в партию лица не думали о требованиях, которые эта организация им в дальнейшем предъявит [8].

Выстроив логическую цепочку, рискнем предположить, что механизм чистки советского аппарата, организованный в 1924 г., был тремя годами ранее опробован в процессе чисток партийного аппарата. Это означает, что общество должно было иметь психологическую подготовленность к ситуации 1924 г. Что же происходило в реальности? Остановимся на некоторых социально-психологических последствиях действия рассматриваемого социального лифта.

Согласно архивным документам, датированным августом 1924 г., из четырнадцати проверенных контрольной комиссией сибирских краевых учреждений с общим количеством служащих 366 человек было уволено 82 человека, то есть чуть менее 25 % служащих. Из них по первой категории, т.е. с лишением права службы в советских органах, – двенадцать человек, по второй категории (менее значительная роль политических мотивов увольнения) – 46, по третьей (низкая квалификация) – 24 человека. По новониколаевским губернским учреждениям за тот же период времени (август 1924 г.) было проверено 575 служащих, из них было уволено 66. Это, как отмечалось в сводке ОГПУ, были бывшие офицеры, члены антисоветских партий, торговцы, домовладельцы, лица, имевшие связь со спекулянтами, не интересующиеся общественной и профессиональной работой [9].

Официальные отчеты давали весьма схематичную оценку произошедшему, исходя из задач, поставленных партией и ОГПУ. В сводках отмечалось, что именно в процессе чистки стало известно, что большинство служащих политически безграмотны. При этом одним из критериев уровня политической культуры являлось чтение выписываемых газет [10].

Социологи отмечают, что нисходящая социальная мобильность обычно связана с тревогами и психологическими проблемами в обществе. В связи с этим важно проанализировать общественные настроения, характерные для сибирского региона в период чистки 1924 г. В сводке ОГПУ по Сибири, составленной в конце августа 1924 г., отмечалось, что для большинства советских служащих это мероприятие явилось неожиданностью [11].

Анализ документов позволяет выделить несколько моделей поведения увольняемых, исходя из их оценки происходящего.

Первая модель поведения – полное спокойствие, в некотором роде – индифферентность. Ее можно охарактеризовать следующей фразой из официальной сводки: «О чистке ходят разнохарактерные толкования: одни говорят, что происходящая чистка не даст положительных результатов, так как без спецов советская власть далеко не уйдет, а заменить сидящих сейчас спецов в учреждениях нечем, поэтому можно быть спокойным» [12].

Вторая модель поведения – частичное спокойствие, дополняемое элементами небольшой напряженности, вызванной ожида-

ниями отсутствия политической стабильности в будущем. Как указывалось в сводке ОГПУ, некоторые говорят, что «после чистки аппараты учреждений расстроятся, и все будут приняты на прежние посты». При этом высказывались предположения, что на освободившиеся после увольнения инакомыслящих места будут назначены «свои люди-коммунисты», но они долго не продержатся («не усидят», как отмечалось в документе), так как не справятся с работой [13].

Третья поведенческая модель – поиск путей выхода из создавшегося положения на фоне тревожности. Уже другая сводка ОГПУ фиксировала, что у определенной части служащих подавленное настроение. Правда, официальные документы присутствия такого рода настроения отмечали главным образом у тех лиц, которые ранее зарекомендовали себя «с плохой стороны». В этой ситуации, если верить сводке, некоторые служащие предполагали переехать в деревню или устроиться у частных предпринимателей [14].

О тревожном настроении среди работников местных органов власти свидетельствуют и появившиеся в тот период времени слухи, что является одним из индикаторов психологической напряженности в обществе, поскольку в условиях дефицита информации именно слухи являются закономерной реакцией общества на масштабные общественные явления. Люди на уровне обыденного сознания пытались дать оценку происходящему. Приведем пример, цитируя архивный документ и сохраняя при этом стилистические особенности первоисточника: «Бывший белый офицер, высланный с Востока, Мякишин (служащий коммунального отдела) говорит: “определенно всю нашу шатию вычистят”. Кладовщик швейпрома Грушевский (офицер) в разговоре с другими бывшими офицерами говорит, что “меня определено вышибут, да разве можно ждать от этой сволочи (Комиссии) другого исхода”» [15].

Наконец, еще одна модель поведения, характерная для работавших в советских органах власти – это попытка принятия ими превентивных мер. В сводке ОГПУ отмечается, что часть советских служащих «бросилась» на изучение политической литературы, а некоторые из служащих начали вступать в различные общественные организации. Это могли быть и профсоюзы, и общество «Долой неграмотность», и «Общество друзей воздушного флота». В официальных документах отмечается, что некоторые представители когорты советских чиновников из так назы-

ваемых «бывших» попытались для сохранения своего профессионального статуса вступить в ряды коммунистической партии. Речь шла о помощнике бухгалтера новониколаевского губернского отдела народного образования, который, как отмечалось в сводке, являлся бывшим поручиком армии Колчака. Будучи «весьма взволнованным чисткой», он «зондировал почву для вступления в партию», «доказывая, что он – “потомственный пролетарий”», и сожалеет том, что в партию нынче так затруднен доступ интеллигенции», и что он «не вступил два-три года тому назад» [16]. Сложно сказать, насколько данная модель поведения была массовой, поскольку важно понимать тенденциозность составления официальных сводок. Принимая в расчет и документальные сведения лишь об одном случае попытки вступления в партию, и информированность служащих о более ранней партийной чистке, и весьма характерные для того периода времени лексические обороты и штампы, выскажем предположение, что большинство служащих в 1924 г. не рассматривало всерьез возможность вступления в партию для создания устойчивости своего социального положения.

В целом, начавшиеся чистки и утрата стабильности породили рост слухов в обществе, о чем уже говорилось выше. Такие слухи представляли попытку на уровне обыденного сознания определить причины политической кампании и определить ее масштаб. «Говорят, что в Москве якобы снова наблюдается гонение на интеллигенцию, население одевается в рогожи и тряпки, принимая пролетарский вид и что мало-мальски хорошо одетых выселяют из Москвы, каковых намечено к выселению до 300 000 человек, что власть якобы возвращается к военному коммунизму, и чистку надо рассматривать как барометр, определяющий политическую погоду», «чистка вызвана недостижимым соглашением с Англией, в силу чего якобы не следует гуманность с интеллигенцией, тогда, когда как до этого последняя пользовалась уступками со стороны Советской власти», «на какие средства просуществовать зиму, ибо все частные предприятия Советская власть убьет», «после чистки всех угонят в Архангельскую губернию, где придется опять рубить дрова и таскать уголь» – таковы зафиксированные в архивных документах слухи, циркулировавшие в Сибири в 1924 г. [17].

В целом, исходя из роста слухов, можно говорить о наличии психологической напряженности в такой социальной группе как со-

ветские служащие. Однако любая социальная мобильность, независимо от вызывающих ее социальных лифтов, сопряжена с неприятными последствиями для индивидов, поскольку вызывает и статусную нестабильность, и разрыв с существующими социальными группами, и трудности в освоении новых социальных ролей. Вместе с тем, чистка советского аппарата 1924 г., ставшая каналом нисходящего социального перемещения для определенной части общества, по своей сути завершила системную трансформацию российского общества, начавшуюся после октября 1917 г. Именно ввиду ликвидации во властных структурах дореволюционной бюрократии произошло формирование не только общегосударственной, но и местной политической элиты по принципу политикопартийной принадлежности, а также окончательное разрушение прежних ценностных ориентиров у страты, осуществляющей государственно-управленческие функции. Последовавшие за чистками начала 1920-х гг. политические процессы следующего десятилетия окончательно закрепили новые ценностные установки в среде партийно-государственных работников.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Литвинова, О. А. «Времена не выбирают...»: О повседневной жизни провинциального учителя начала 1920-х гг. // История в подробностях. – 2012. – № 9 (27). – С. 60–63.
2. Шишкин, В. И., Савин, А. И. Социальная мобильность в России в эпоху войн и радикальных трансформаций первой половины XX в.: основные направления и результаты изучения // Гуманитарные науки в Сибири. – 2014. – № 4. С. 92–98.
3. Гузаров, В. Н. Чистка РКП(б) в Томской губернии: 1920–1923 гг. // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 379. – С. 120–126.
4. Партийная этика: Документы и материалы дискуссии 20-х годов / Под. ред. А. А. Гусейнова и др. – М.: Политиздат, 1989. – С. 140.

5. Ящук, Т. Ф. Политика в отношении к старым специалистам в первой половине 1920-х гг. // Исторический ежегодник. – 1997. – С. 56–60 // Проект «Хронос – всемирная история в Интернете». [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://www.hrono.info/statii/2006/spec\\_1920.html#1](http://www.hrono.info/statii/2006/spec_1920.html#1) Дата доступа: 12.05.2014.

6. Там же.

7. Наумов, И. В. Работа органов ОГПУ с интеллигенцией и госслужащими Иркутского региона в 1920-е годы // Известия Иркутского государственного университета. – Серия: История. – 2011. – № 1(1). – С. 128–139.

8. Гузаров, В. Н. Указ. соч. – С. 120.

9. Сводка № 4 ОГПУ по Сибири «О чистке советского аппарата» от 29 августа 1924 г. // Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф.Р-1. Оп. 2а. Д.43. Л.9.

10. Там же.

11. Сводка № 3 ОГПУ по Сибири от 22 августа 1924 г. «О настроениях совслужащих в связи с чисткой госаппарата» // ГАО. Ф.Р-1. Оп. 2а. Д. 43. Л. 8–8 об.

12. Сводка № 4 ОГПУ по Сибири «О чистке советского аппарата» от 29 августа 1924 г. // ГАО. Ф.Р-1. Оп. 2а. Д.43. Л.9.

13. Там же.

14. Сводка № 3 ОГПУ по Сибири от 22 августа 1924 г. «О настроениях совслужащих в связи с чисткой госаппарата» // ГАО. Ф.Р-1. Оп. 2а. Д. 43. Л. 8.

15. Там же.

16. Там же.

17. Сводка № 3 ОГПУ по Сибири от 22 августа 1924 г. «О настроениях совслужащих в связи с чисткой госаппарата» // ГАО. Ф.Р-1. Оп. 2а. Д. 43. Л. 8; Сводка № 4 ОГПУ по Сибири «О чистке советского аппарата» от 29 августа 1924 г. // ГАО. Ф.Р-1. Оп. 2а. Д.43. Л.9.

**Литвинова Оксана Александровна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры «История Отечества»

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова» (АлтГТУ), г. Барнаул